

Игорь Олен

Погреб

мистическая быль

Игорь Олен

Погреб. Мистическая быль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010870

ISBN 9785447465346

Аннотация

Книга о событиях, происшедших в тульской деревне. Заехавшие туда студенты пропали. Отправившийся по вызову полицейский наряд не вернулся. Дело было закрыто, поскольку ни один из молодых людей не был найден, как и полицейские. Вину деревенскую шпану, но её вина оказалась бездоказательной. По слухам, данное место всегда пользовалось дурной славой по причине того, что там-де странный «погреб». Книга является реконструкцией событий и относится к разряду были, а не художественного триллера.

Содержание

Съезд	6
Ведьмин Кут	23
Вечер	41
Стук I	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Погреб Мистическая быль

Игорь Олен

© Игорь Олен, 2018

ISBN 978-5-4474-6534-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Съезд

– Зря ездили!

Въехав в Тульскую область, начали спорить. Ну, не совсем спорить, а препираться. И стало ясно: что-то случится.

Их было пять. Лишь голос увещевал, но тихо. Голос был девушки; звалась Лена и была сочной, что значило: к тридцати располнеет. Пока ж была – идеал, тип «розы», что действует на расставшихся с детством мальчиков, когда прежде им равное обращается вдруг иным, влекущим.

Ещё один пусть не спорил, но вставлял фразы, всех провоцируя. Это был Хо, кореец. Он поместил на приплюснутый нос свой тёмные линзы и хохотнул, как псих. После он вдруг взял пиво – и сидел с банкой, не открывая.

Третий был в «кенгурятнике» джипа.

Спорили Дима, длинный и тощий, с длинными лохмами да в рубашке – и сам водитель: смуглый тип в майке, с бедренным, икроножным и пр. рельефом; то есть качок, смазливый, пахший парфюмом, с тёмным коротким волосом, с синим взором, схожий с ударником топ-поп группы, славной поныне. Знавший о собственной *несравненной* харизме, он выставлялся. Догу прощают, что не простят дворняге. Звался он Макс (Максим), прозвище «Аполлон» («Апóл»). Он и нынче знал, что – «красава», спорил с ленцой, без доводов.

Шёл спор как бы и без причин.

Но Лена, что была сзади, трогала Макса. Бывший же близ Макса Дима, – мальчик на вид, но длинный, – этим терзался. Он видел профиль с ямкой на щёчке и с карим глазом. В зеркало заднего вида он смотрел на футболку красного цвета и пухлый палец с красным колечком, трогавший локон русских оттенков, да на бедро, являвшееся под шортами. Он смотрел и вскипал порой. Он жалел, что не сел рядом с ней, как Хо... Впрочем, правильно. Он бы мучился. Лена млела по Максy, что принимал её пыл, как царь. Дима, если б сидел с ней, маялся б ревностью и как будто бы воровал от чувств, данных Максy.

С радостью воровал бы, понял он. Млел бы в близости!

Злило то, что вот эта вот Лена, кою любил он, кой поклонялся, – Лена любила и отдавалась тщеславному и смазливому дурню, что, позволяя любить себя, пользуется её телом. Это бесило. Лена слепа? не видит, что любит мерзкого?.. Вряд ли мерзкого, если честно. Макс в общем славный. Самовлюблён лишь. А Лена рада, чёрт, отдаваться этому Максy, смазливому харизматику и качку!

Поэтому, стоило Лене встрять: – Ну, хватит! Что ты вцепился? Едем и едем, дом через пять часов... – Дима ляпнул, глядя на битую зноем глушь окрест:

– Зря ездили.

Макс-Апóл хмыкнул. – Будешь до самой Москвы ныть? Плавали, отдыхали. Да, Влас? – бросил он рослому, помещавшемуся в «кенгурятнике» парню с крупным щетинистым

подбородком в оспинах, упиравшему ноги в стенку напротив. Тот играл на мобильном и не ответил.

Хо, в тёмных линзах на маленьком, кнопкой, носе, хекнул: – Славно ты... море Чёрное! – он добавил с намёком; и не понятно, куда смотрел.

Дима зло мотнул лохмами. – Море? Придурь! Всё, что на море, есть и в Москве: солярии, СПА, бассейны, тот же шашлык с бухаловом... Стереотипы! Раньше, мать говорила, это был шик – в Анапу или там в Ялту. А теперь – в Лондон.

– Ты при советах, – буркнул Влас басом, – был сосунком, Димон. Грудь сосал.

– Как дитё! – встряла Лена. – Мальчик брюзжащий. Помните, мы поплыли к косе? Он выдохся, кайф сломал... Помнишь? – тронула Лена Макса. – Ночь была... Мы уплыли, казалось, в центр моря... Здорово так лежать в волнах и под звёздами, будто мы абсолютно одни... Капец!

– С нами мяч был, Ленусик, – вставил Макс. – Нас с мячом было трое в том центре моря. Я, когда стучал, будто футболил в факовом космосе... Суперски! Есть что вспомнить, да?

Лена гладила Макса.

Дима сердился: вспомнил про мяч, болван, не про Лену. Всякая вникла б, как мало значит влюблённому лишь в себя футболисту, – только не Лена.

Хо вдруг заметил:

– Диме спорт по фиг, он не врубается... Выберешь инсти-

тут, Макс? Или футбол таки? Ехай в «Челси» – ехай не думай. Я за тебя с флотом фирмы «Бобков и К^о» справлюсь.

Макс улыбнулся. – Деньги мне без нужды. Мне б – славу.

– Папа, – выдал Хо, – собственник флота; деньги зачем? – Он ржал. – Слава ж – всем нужна.

– Мне, – твердил Макс, – в кайф себя сделать. Может, и в «Челси»... Я, Ленчик, много б не думал и согласился, но приглашают ведь во второй состав, вспомогательный. Я могу там пять лет сидеть, не войдя в основной; буду мальчик для спаррингов.

Лена выгнулась, чтоб достать над его ухом маленький завиток, воркуя:

– Верю, Макс, что ты будешь велик, как... Кто там из лучших? Ты в юниорах жёг... Нет, футбол, Макс, твоё... Учёба? Учимся мы зачем, блин? Чтоб делать деньги. Спортom – взять можно больше... Плюс тут и слава. А сухогрузы, этот ваш бизнес... Папа твой справится. Ну, а спец ему нужен – Хо пошли. Хо с востока, и он там в теме... Макса в Находку? Ты пропадёшь в дыре! Self made – лучше. Только self made, Макс! В «Челси» ведь ждут?

– Естественно! – вставил Макс, давя газ; джип вскинулся, всех мотнуло. – Как оно было? Мать умерла и... как отца бросить? Я бы без всяких был уже в Челси... В общем, моё футбол, стопудово.

– Бедненький! – тронула его Лена. – Все мы, Макс, смертны...

– Да! – вскрикнул Хо, смеясь. – Мы умрём. Смертью. Мчим под сто сорок!

– Хо! – урезонила Лена. – Ты точно псих ржёшь! Или боишься? Мы будем долго жить! Макс, не верь ему и гони! Стареем... – Лена вздохнула. – Мне девятнадцать. Было шестнадцать... Кажется, что вчера... Влас, помнишь? ну, нашу школу? Мы были глупые! Помнишь, как мы в кино пошли...

– Ты дурища была.

– Влас, сам дурак! – взъелась Лена. – Ящер в погонах! Вечные мальчишки, вот как Дима. Прозвища и насмешки... Хо, у вас тоже на Сахалине так?

– Всяко, – Хо захихикал.

– Бросили б детство и повзрослели... – Лена всех оглядела. – Единственный среди нас гений – это наш Макс. Острие, точно жизнь – хохма. Дар развивать нужно. Кончит Макс институт – зам папы? Да, деньги будут. Но это деньги. Слава – в футболе... Макс, надо брать своё! Не то время уйдёт, не станут вновь приглашать... Едь в «Челси»! Их, Макс, не слушай! И через год за тебя будут драться все-все-все клубы! Ты когда бьёшь мяч – круто!

– Лена, ты писаешь, когда супер-стар мирового футбола Макс-Апёл лупит мяч? – вёл Влас в «кенгурятнике», всё игравший в мобильник с писками звуков и не смотревший ни на кого.

– Мстишь? Клеился ко мне в школе, а я – никак... Ревнуешь?

– Точно! – басил Влас. – Наш Димон прав, видать, хоть он только что от горшка. Вам Лондоны да Багамы... *Русские*... И фамилии...

Хо хихикнул.

– Это про *Лернер*? – Лена спросила. – Или про Хо? Ты нацик? Что, в академии ФЭЭСБЭ нацисты? Здорово... Влас, сказать, что ты сам дурак? Сам-то здесь, не в деревне с Марфой и Фёклой сено, блин, косишь... Бегал за *Лернер*? Бегал!

– Можем проверить, кто самый русский. – Хо мотнул пивом, что он держал в руке. – Завернём в дыру? В самую из кондовых, самую русскую? А? Как?

– Сено не косят, – буркнул Влас, но для Лены. – Сено есть скошенная трава. Хрень гонишь.

– Я, – Макс взглянул на всех, – нашу Рашу люблю. Без всяких.

И он нажал на газ, сев красиво в собственном джипе.

Ехали молча.

То есть неслись, верней.

Лена трогала «Аполлона» пальцами, наклонясь вперёд. Дима видел всё и страдал. Он злился. Но не них. На жизнь. Он – младший и самый бедный.

Влас взять – сын генерала, хоть тот и умер, Лена – дочь ректора, Макс – мажорный. Даже у Хо дед – лавочник. Димин предок никто был. Сам Дима – серый, невыразительный, длинный тощий червяк в нечёсаном длинном волосе,

тип ботаника. Кончил три класса за год? Нет, он не гений. Он любил Лену и, чтобы быть с ней, взял да нагнал её, сдав экстерном. Он обожал её: за одно её имя отдал бы жизнь. Он маялся, что не он Макс-красавец, ею любимый... Кто подарил Максу силу, деньги, смазливость – плюс близость Лены? И почему оно не досталось вдруг Диме? Кто раздаёт всё?! Кто, скажем, дал Власу стати гориллы с волей играть, там, сзади, индифферентно, хоть он и рад быть с Леной, пусть и скрывает? Ведь Влас и Макса, тоже не слабого, мог бы запросто заломать. В век дикости Влас бы всех их прибил за Лену. И ничего: влюбились бы. Даже Хо, невысокий, крепкий, – очень смышлёный... Хо, впрочем, вряд ли сохнет по Лене... А вдруг и сохнет? Как знать восточных? Плюс Хо в очках всегда.

Дима верил: он любит Лену *неизъяснимо*! Любит в ней донное, что есть Лена по сути! Чувствует, что любовью весь мир спалит!!.. А любовь отвергают... Будет любить до смерти – а эта Лена станет жить с Аполлоном (либо с другим кем), точно его любви нет, да? Он хотел плакать... Скоро расстанутся: до Москвы пять часов всего. Лена будет там с Максом... с чёртовым Максом!! Он же в Москве будет только звонить ей, часто и зряшно... И Дима ляпнул, сдвинувши лохмы с глаз: – Типа, русские? Ну, и съедем в Россию!

– Раша... – Макс думал. – Да, наша Раша... Ленчик, в деревню?

– Я на край света! – взывала та. – Ро-ман-тично!!

– Вы? – спросил Макс.

– Как хочешь, – буркнул Влас в «кенгурятнике».

– На миру, – Хо вскрыл пиво, – как бы и смерть красна.

Дима чувствовал, что все рады. Макс – рад явить себя патриотом, Лена же – случаю с ним побыть. Рад Влас, бычьим обликом селу близкий. Рад, не понять чему, Хо: вдруг пиву? Дима был сам радёшенек, ведь разлука отложена. Тем не менее что-то в нём напряглось. В чём дело? В том, решил, что всегда всё планируют – а они план сломали.

– Карту глянь, – бросил Макс. – Отыщи, но не далее сорока кэмэ, место; да чтоб глухое... и чтоб вода ещё. Оторвёмся.

Дима, взяв карту, глянул. – Вот... поворот есть... Дальше налево... до Корпачей... Никольское... путь до Ивиц, где, вижу, речка. Звать её Ведма... Это ошибка? Может быть, *Ведьма*?

– Блеск! – Лена вскрикнула.

– Выбрали? – Макс вращал синим глазом. – Что не понравится – не моя вина.

– В путь, – двинул Влас подбородком в жёсткой щетине. – Как вундеркинд сказал. Он школу кончил.

– Как сказал бейби! – вставил Хо.

Съехав с трассы, мчали до Корпачей и вправо. Всюду облоги, старые фермы, остов от трактора... А дорога шла склоном с редкими суходолами. Впереди, вдали, шёл другой склон... Вот с. Никольское... Макс открыл окно. Зной влетел в салон с пылью, треском кузнечиков. Дима вдруг

оглянулся. Влас играл на мобильнике; Хо пил пиво, прячась за линзами. Лена трогала завитки волос Макса, чуть наклонившись, смяв груди в красной футболке о его кресло. Дима смутился.

– Речка где? – Макс закрыл стекло. – Мы проехали сорок.

Дима опомнился от соблазна в красной футболке и прохрипел: – Не знаю. Речка на карте.

Путь свернул влево, в маленький суходол... Взлетели. И им открылось, что разделяло склоны: тот, коим ехали, и другой вдали за низиной: пойма, в пойме – посёлок.

Битый асфальт с трясением... Пыль столбом... Повороты меж каменных и кирпичных изб... В травах козы и овцы... Рылись две курицы... Бык ревел в кустах, и старуха на тёмном бревне никла в зное... Вдруг асфальт взрыла яма.

Макс тормознул.

– Боишься? – буркнул Влас.

Макс смеялся. – Мне что? Как вы прикажете. Лишь бы вам о'кей.

И джип тронулся вновь, накатом.

Ниже был мост, где стали. Как пыль осела, слушали, спустив стёкла, как шумит речка, чистая, с перекатом, резвая. За мостом шли ухабы в трёх направлениях: влево, вправо и вверх к клубу (в стиле ампира) жёлтого цвета.

Не было ни души в злом зное.

– Да, здесь прикольно! – бросил водитель.

– Так... – начал Дима с картой в руках. – Здесь Ивицы.

Надо люд найти и снять домик у речки.

– Терра инкогнита! – Хо швырнул банку пива, что плюхнулась с моста в воду.

– Свинство! – фыркнула Лена.

– Что хочет женщина – *хочут*! – ржал Хо безумно.

Дима заметил выше по склону взмельки.

– Мяч, – объявил он.

Джип по грунтовой дороге вполз к зданию с грязно-жёлтым фасадом (в роще поодаль прятались избы). Близ было поле с сеткой в воротах. Там и пылила кучка подростков. Девушки ждали возле скамейки. Платья их – из дешёвых, лица копировали поп-звёзд. Стриженный здоровяк в трусах, с пивом в толстой руке, вёл мяч. Зрители и игравшие маялись в зное. К джипу крутнулись; гости не вышли, матч продолжался. Стая носилась с громкими матами.

Макс вдруг вылез, встал, руки в бёдра, и, когда мяч скакнул к нему, подхватил и повёл: танцевал с мячом, поддавал ему пятками да коленом, с носка посылал мяч вверх, бил лбом, жонглировал мяч спиной, боком, бёдрами, обходил встречных... Мяч как прилип к нему. Тело в майке и в шортах бликало, мышцы двигались. Он был как олимпиец, вышедший к смертным. Местные, обожжённые солнцем, плохо сложенные, наблюдали. Лена визжала.

«Пень!» – думал Дима.

Хвастанье Макса, мнившего, что им все восхищаются, здесь могло выйти боком. В место, где скука, где нет работы,

где запустенье, где всё распалось и валит в дикость, где развлекаются, чтоб забыть про заброшенность, приезжает мажор на джипе в сто тысяч долларов, обаяшка-качок, являющийся, что не зря, мол, вы *тут*, а я *там*, в пюпитрах, что вы ничтожества и вам жить так до гроба; мне ж – жить в Москве во благах, ибо я всё могу...

Впрочем, местных лишь пять без дев. Ну, а Влас стоит трёх. Случится – Макс с Власом всех побьют; они в школе всех били. Плюс ещё Хо... Побьют.

И уедут. Шанс с Леной сгинет. Пень Аполлон... Бахвал...

Стриженный парень смял своей лапой банку от пива и стал багровым. Макс пошёл поздороваться как ни в чём не бывало.

– Хай, брат!

– Н@х... – сронил здоровяк.

– Играете? – вёл Макс. – Плоскость дурная, поле со склоном, ровных мест нет, смотрю.

– Типа... – Стриженный затруднялся: драться, смириться?

– Что ж, мэн. Крузейро начал в бараке. Нынче он в «Челси»; классный клуб, премьер-лига. Слышал про «Челси»? Это английский клуб.

– Ну и...

– Звать как? Я, скажем, Макс.

– Ну, Коля...

– Няшные тёлки... Это ведь Ивицы?

– Типа Ивицы...

– Речка Ведьма?

– Речка? Ну, Ведма.

– Ведма так Ведма, – вёл Аполлон. – Мы с Чёрного...

Собирались здесь оттянуться. Где тут нам домик снять, дня на два? – Он воззрился на местных, больше на деву у мотоцикла и остальных девиц.

– В Липки...

– Чё им те Липки? – встрял жилистый, лет семнадцати некто с острыми лицевыми чертами (как у хорька), весь пыльный, руки в карманах. Дима почувствовал: гнусный тип. – Им не Липки... – Жилистый сплюнул. – Чё им те Липки? Липки не катят. Ведьмин Кут лучше.

– Лучше? – спрашивал здоровяк.

– Слышь, лучше. – И паренёк хорьковатого вида ткнул его в бок, мигнув.

– Ведьмин Кут круто! – лыбился Макс.

– Поедем? – Вновь паренёк хорьковатого вида сплюнул.

– На фиг, – вставила дева близ мотоцикла, глядя на Макса. – Там не прикольно.

– Что там? – Макс, руки в бёдра, стал как скульптура, чтоб деве нравиться.

– Что? – стушевалась та. – Ну... там страхи.

– Страхи?

– Всякое... – ей как будто бы не хватало слов.

– *Всякое*, – фыркнул Макс. – Зона там? Аномалии? Космопорты пришельцев?

– Это... не знаю, – кончила дева.

– В зоне, слышь, я сидел, – хорьколищый вмешался. – Под Красноярском.

Макс продолжал дева: – Как зовут?

– Для чего? – Дева сбилась.

Он подошёл к ней. – Чтобы зафрэндить.

Лена полезла сразу из джипа; щурясь от солнца, брякнула, грудь вперёд: – Где здесь пляж у вас? Зной жуть вломный!

– Ты, – рыгнул стриженный здоровяк, – ты вниз канай тропкой, там есть плотина. Там, н@х, купайся... если купаться.

Лена, сняв шорты с красной футболкой, в стрингах красного цвета, в лифчике, стиснувшем налитую грудь, завихляла прочь. На неё все уставились.

Паренёк хорьковатого вида сплюнул. – Слышь, кент, твоя чува?.. В Куте чё в этом, знаешь? Там привидения. Сцышь? Слабо тебе?

Макс похмыкал. – Если там речка есть и людей нет – едем.

– Ведма там речка, а больше нет воды, – пробурчал здоровяк, взяв пиво, поданное мальцами.

– Штука с вас, – подчеркнул паренёк с хорьковатым лицом, вновь сплюнув.

Макс достал деньги и расплатился; после, обрызгавшись спрей-парфюмом, начал ждать Лену. Местные окружили джип.

Придя мокрая, Лена вошла в салон сердитая. Паренёк

подсел в «кенгурятник», к хмурому Власу, что играл на мобильном. Дима заметил, как паренёк подмигнул своим. Те заржали. «Пакостно...» – сжался Дима. Он чуял «пакостность» на шоссе ещё, когда лишь повернули в глушь, пусть он этого сам хотел. Страстность к Лене выбилась страхом, сдобренным понтом Макса с лениной выходкой показаться от ревности перед местными чуть не голой. Все и глазели. Будь здесь одна она – не отделалась бы: трахнули б в хвост и в гриву, и нажила б забот, выпендрёжница...

Может, зря он волнуется? Он и сам смотрит Лене на грудь и ноги, в снах с ней в обнимку. Он сам – не лучше. Будь ночь и Лена, он, в общем, тоже бы...

Всё равно не так.

Что-то *очень* не так, он чувствует! Взять хоть карту: Ведьмина Кута – нету.

Сманивают? Тьма случаев. Паренёк подал знак, мигнув. Присные прибегут с ружьём, постреляют их, изнасилуют Лену, джип разберут в запчасти, сбагрят по сервисам. Глушь, облоги... Здесь можно год лежать на безлюдье, прежде чем сыщут.

Он видел Макса, ведшего свой джип с форсом.

Туп Макс, не чувствует! Но и Хо, прячась в тёмных очках, молчит. Рядом с ним, полуголая, Лена тоже не думает об опасности, а лишь злится, что её Макс (*её*!!) лип к местной... Да ещё Влас в «кенгурятнике», притворяясь, что плевал на всех, шпарит в детские игры... Спрос, меж тем, с Вла-

са, коль что не так пойдёт. Влас, будущий *спецагент*, не понимал, как повернулось? Их в академии учат анализу ситуаций или не учат? Что, он не видит?!

Впрочем, Влас прав. Со *всех* сторон. Он ведёт себя грамотно, даже пусть заподозрил. Местные не полезут днём. Коль затеют что – ночью. Ночь всё покажет.

Ночь...

Дима вытер ладонь о брюки. Стало не жарко – знойно от нервов... Плюс он не в шортах, как Хо и Макс, не в бриджах, как Влас. Он – в брюках. Ног он не смел открыть, бледных. Ног он стеснялся, так же, как рук, жуть слабых. Он так завидовал бицепсам Макса, силище Власа! Впрочем, и Хо не слаб... Лишь ему явить, кроме длинного тела, скованного неврезами, фобиями, заботами, для каких причин мало, нечего. Прожил ведь он, не сдох ведь, хоть каждый день ждал кошмары? Прожил... Но он семнадцать лет каждодневно жил с мыслью, что страшного не случилось, так как судьба *весь ужас* вывалит завтра.

Вот и сейчас вдруг впало: он до сих пор жив – чтоб здесь погибнуть.

Тронули в ров меж круч, образованный оттого, что столетия здесь старались дожди, снег, транспорт. Выбрались, взяли вправо. Здесь их путь сделался травяным, неезженным, и шёл склоном вдоль речки, скрытой за избами да дворами.

Зной изводил.

– Кондей включи, – молвил Дима, тронувши ворот. Он

задышался.

Макс ухмыльнулся: – Если Россия – пусть целиком, как есть: бездорожье и зной, и мухи. Сам хотел. Все хотели.

– Жесть! – ныла Лена в трясках ухабах, стучаясь в дверцу, то вдруг валясь на Хо голым мягким плечом. – Нам долго?

– Я разве знаю? – Макс глянул в зеркало заднего вида. – Гид ведёт... Ты расслабься.

Дима порадовался кратковременной их размолвке, давшей шанс на *его* успех.

Хорьколицкий же, наклонившись над Леной, тронул бретельку на её лифчике.

Лена дёрнулась прочь к окну. – Офигел, скот?! Что, блин, ты делаешь?!

Дима понял: Лена и налитая, красивая её грудь – разное, спорящее друг с другом, то помогающее друг другу яро.

– Будь, чува, – вёл гид, – проще! – Из «кенгурятника» он рванул ремень дамской сумочки, что была возле Лены, и, когда повалился хлам бижутерии и косметики, цапнул пачку (презервативов): – Порешься? Не ромашка?

Лена взбесилась.

Дёрнув смартфоном в играх-стрелялках, не подымая взор над тяжёлой щетинистой, в мелких оспинах челюстью, Влас негромким, сгущенным басом бросил: – Ты не хаами, друг.

Дима, постигнув: Лена спит с Максом (презервативы), – сникнул. Также вдруг понял, что он ничтожество. Он вспылil бы и вызвал драку, и паренёк бы побил его. Влас же ха-

ма пресёк спокойно. Лена довольна. Знает, кто защитит её. Этот кто, блин, не Дима.

– Спок! – повернулся гид к Власу. – Гониво? Я, слышь, взял свою штуку – н@х вас... – Он закурил. — Воткнулся?

– Мы здесь не курим.

– Чё тут, детсад у вас?

Пареньку не ответили.

Миновал километр. Избы сбились руинами, за которыми речка стала заметней. Слева по склону были бурьяны.

– Глушь! – бросил Макс.

– В натуре, – вёл паренёк. – Все померли, избы, слышь, разобрали.

– Где ты работаешь?

– А нигде.

– Был в армии?

– Кент, откинулся я, из зоны... Срезал тут одного... Нас в армию не впрягают... Сколько твой джип-то? Ну, стоит бабками?

– Два лимона.

– Есть бухло?

Дима вынул бутылку из холодильника, а Хо дал её в «кенгурятник».

Гид пил и хмыкал: – Мля! – А когда колеи пошли вниз, добавил:

– Всё, кент, приехали.

Ведьмин Кут

Цель была от моста в селе и от сельского стадиона, как явил счётчик, в трёх километрах.

Прежде чем съехать с квази-дороги, Макс сказал, что, начнись дождь, снизу не вылезут, джип ведь всё же не танк. Хо вспомнил, что на неделю метео обещало сухо и ясно. Солнце палило.

Тронули в полный трав ров.

Макс бросил: – Краску сдеру...

– Захлюздил? – встрял деревенский. – В августе бы содрал, кент. Там всё дубеет. А тут июль, слышь. Ехай не хлюзди!

Лена вдруг фыркнула, продолжая сидеть лишь в стрингах и в узком лифчике после речки: – Ты же в России! Это ведь Родина! Она что, меньше краски? Краску жалеешь? Родину нет?

Вздв голову, Макс ощерился. Джип скатился.

Травы до стёкол... Пчёлы... букашки... листья обвисли... Дима, с усилием отведя дверь, встал на пороге. Зной одурманил. Он взглянул на отжатую дверью зелень.

– Слева... – рыгнул гид. – Там есть изба, слышь... Звать Ведьмин Кут... Мля, вломно... Чё, остаётесь? Или боитесь?

Двигатель замер, но все молчали. Глушь подавляла. Травы, хоть и цвели, – томили. Всем было страшно в их чадный

хаос, – всем, вероятно, кроме спокойного с виду Власа.

– Нравиццо? – Лена ляпнула, но чуть зло, раздражённо.

Дима вник, отчего винят женщин в разных грехах. Вот Лена: их провоцирует, хотя все здесь – из-за неё, блин! В действиях и в словах, наговоренных и предпринятых на далёкой теперь уж трассе, тайный мотив – быть с нею. Он, кстати, сам ведь начал в той мысли, что с ней расстанется и она в Москве будет с Максом. Вспомнив идиллию двух влюблённых на море, он отрицал её низвержением «штампов» отдыха. Перешли на Россию, что выражает «глушь». Все решились в *глушь*.

Он лично – чтобы быть с Леной.

Макс — чтобы спать с ней в сердце России.

Влас и Хо не таскались за Леной, если уж честно... Но Дима чувствовал, что не будь с ними Лены, не было б и поездки в глушь. Ведь не зря Влас и Хо уступили. Главный же довод – что и сейчас, при всех тревогах, он хочет Лену, думая, как сидит она, *почти голая*, сзади, сдобная и манящая... Сходно Хо её хочет, если мужчина, Влас её хочет, хоть притворяется, что, мол, по фиг. И паренёк трогал лифчик... Женщина виновата. Женщина затемняет мозг, формулировал Дима... – и соглашался быть затемнённым с Леной, чем просветлённым, но без неё зато.

Макс открыл свою дверь.

– Кут. Ведьмин! – выпалил паренёк с хорьковатым лицом и выпил.

– Имя-то от чего?

– От ведьмы. Ведьма жила тут.

– В древности?

– А я знаю?.. Всё, кент. Бывайте... Мне, слышь, пивасика на дорожку... – Вылезши, гид пошёл прочь.

– Чёрт, позабыли, – вспомнил Макс, – провиант купить... В селе есть ларёк? – он окликнул, и гид кивнул ему.

– Съездим, – молвил Макс. – Всё осмотрим да съездим... Стой! – он окликнул вновь. – Подвезём!

Паренёк шёл проходом, сделанным в травах джипом, и не ответил, лишь помахал рукой.

Все сидели, глядя на крышу, стывшую над кустами. Пахло дурманом, пчёлы гудели, травы стесняли джип, осыпаясь пылью и блошками. Зной был зол, и хотелось, чтобы машина, сдав назад, выбралась в поле, где посвежее.

– Он не остался... Ты предлагал подвести его, он ушёл, – вёл Дима, двинувши дверцей. – Вдруг дом развален? Я ездил к бабушке, и у них, как пошла ельцилюция, доски в избах, что без хозяев, сняли с полов, свет срезали; всё украли. Здесь то же самое... Он сбежал, чтоб не отняли деньги... В доме — разруха. Надо назад, к селу. Там мы снимем сарай да койки. Здесь всё не то, блин. Чую!

Лена, взяв розовый и гламурный iPhone, сказала: – Связь. Всё в порядке!

Тягость ослабла: цивилизация даже здесь, в глуши.

Спрятав сотовый, на котором играл, Влас бросил:

– Будем сидеть? За дело.

Дверцы открылись.

Вылезши, все стояли — молча, робея. Только у Димы и Власа, как у высоких, головы выше трав. Прочим жёлтые, также красные, также белые либо синие расписные соцветия лезли в лица. Стало не душно, но зной усилился. Солнце жгло с небес.

– Глушь! Как в Африке! – Лена в стрингах, в лифчике жалась к джипу и потянулась взять снятые у футбольного поля шорты. – Я не терплю жуков... Змеи есть здесь? Эти, гадюки?

– Здесь щитомордники... Не грузи вот так сразу, Лен, – выдал Макс. – Погребём давай к дому, определимся.

– Нет, я – купаться... Кто со мной? – Лена двинулась, но вернулась в джип за ракеткой, коей постукала по цветам и стеблям, так и не сделавши шаг в колючки. – Максик, боюсь я. Сделай ход, придави траву!

– В дом сперва, – толковал тот, глядя на крышу в кипении листьев.

– Хватит вам... – Влас полез в хаос трав мощным боком, двигая берцами.

– Кто рискует, тот пьёт! – хмыкнул Хо, тронув вслед.

Остальные направились по проделанной тропке в колкой крапиве. Задней, с ракеткой, охая от ожогов, прыгала Лена.

Подле сирени ткнулись в плетень. Влас хмурился носорожьими глазками на лице в мелких оспинах над большим

подбородком в жёсткой щетине... Нужный тип в силовых всяких органах, понял Дима: мощный, решительный и надёжный, с комплексом твёрдых принципов. Будет асс ФСБ; а не то и шеф «Альфы», группы элитных.

– Вздумал ломать, Влас? – выложил Дима. – Лучше не трогать. Где-то калитка. Ведь заходили?

– Факт, – согласился Влас и продвинулся вдоль плетня.

– Легче! – крикнула Лена. – Вдруг здесь есть змеи?

– Вызовешь скорую, – бросил Влас.

Ветхий тёмный плетень предварялся сиренью, росшей вокруг дома. Висли две тряпки, полуистлевшие... Проломились к калитке. Влас её отворил с трудом. Дом стал виден.

Собственно, и не дом. Изба.

Под соломенной кровлей, выжженной солнцем, морщилась стенка дикого камня с окнами, очень узкими. Дверь – дощатая – была с ручкой, древней, железной, ржавой до дыр почти. Влас прошёл двором, сквозь траву, до крыльца из неровных плит камня – и обернулся. Не как близ джипа, ждавшего в рву в бурьянах, здесь был вид шире. Где сирень разрывалась, виделось, как склон сходит в ивняк, за которым другой склон в солнце. Понизу – речка, тёкшая из тех Ивиц. Где-то за речкой и припирающим её склоном – трасса, правда, не видная, в сорока километрах, судя по карте. Рядом был столб, от которого вдаль к селу шли провисшие провода.

– Есть свет!

– Светит свет, скрылась тьма! – хохотнул Хо. – Жить, чёлы, можно.

– Свет? – и Влас поднял взор маленьких, по сравнению с остальным в нём, глазок. – Странно. Здесь не живёт никто. Провода – алюминий, то есть цветмет. Не сняли – ни пьянь, ни власти. Всё это странно, вот что я думаю.

– Круто как! – встряла Лена. – Нет, здесь потрясно: степь в холмах! Я люблю простор: солнце, воля, природа...

– Лен, к речке страшно? – Влас, закуривши, вновь спрятал пачку и зажигалку в бриджи, полувоенные, до колен. – В облом к речке? Верно ведь?

Макс упёр руки в бёдра. – Всё будет классно. Здесь воды чистые. Искупаемся. Гарантирую тьму воды. Океан воды.

И он тронул дверь.

Были сени, пахшие сеном с птичьим помётом. И – дверь в избу. А вторая дверь, верно, в хлев, бралась сумраком. Сверху балки, – гнутые, древние, – сдерживали скат крыши. Пол в сенях был булыжный, по углам сумрачно.

А в избе – посветлее, стены белёные. И окошки все к югу, то есть к калитке. Пол, как дверь, был некрашен, да и щеляст. Печь – в центре, с чайником и посудой. Вдоль стены – лавки типа лежанок. Плюс был дубовый стол с табуретами, пять числом. Свет явил потолок над лампочкой. Оказалось, что на столе пять вилок и пять стаканов.

– Круто... и нас пять! – фыркнула Лена. – Это знак вещий.

– Знак неестественный, – буркнул Влас. – Глянь, лежанок

ведь тоже пять.

– Жили, значит, пять ведьм!

– Накличешь. Лучше о добром... – Вея парфюмом, Макс прошёл к зеркалу на стене – посмотреться. Он, тронув кудри, стряс с плеча лепесток, снял пух, выгнул руку, чтоб глянуть бицепс, и, убедившись, что чисто выбрит, вновь повернулся с видом, будто он упер. – Ну, будем думать... Ясно, не местные принесли стаканы, – выдал он. – Ведь они знать не знали, что мы приедем... Пусть они знали, да? Но кто знал, что нас пятеро? Также нас не могли, причём, обогнать, – мы б видели, – чтоб поставить стаканы...

– ...сбить пять лежанок, пять табуретов, – встрял Влас, – из дуба, наш Шерлок Холмс ты, Макс аполлониистый.

И все прыснули.

– Что я думаю? – Влас продолжил. – Здесь подозрительно. Почему? Здесь всего вдруг – по пять. Естественно, не всего, но многого. Так бывает? Нет... Макс, согласен?

Лена, поёжившись, обняла себя. – Хватит, Влас, в ФЭЭСБэ играть... Корчишь умного? Не на сессии! Второкурсник, а, блин, зануда. Я не хотела б к тебе под следствие. Ты на мир глянуть можешь, чтоб без шпионских глаз? Ты силён, как бык, не дурак и не трус... Зануда! Как Дуремар... Нет, ящер! Лучше б прикол сболтнул... Что, печь топим? Холод здесь. Подогреть впору воздух. Да и вообще.

– Ок! – вставил Макс. – Мы с Ленусиком съездим, купим провизию и пивко. Лен, едем.

– Макс... – та прошла к окну. – Помнишь, пассия на том поле? Я помешаю... Видел, чем красится? Прошлый век... Ты с ней хвост распускал, блин... Дуй к ней! А у нас траблы. Надо подумать... и искупаться... Парни, здесь стыло, не как на улице. Надо печь топить, а не то заболеем. Да и прибраться... – Вытянув из-под майки лифчик, Лена размашисто стала им вытирать стол. Мстила так Макс. Это все поняли.

– Доиграешься... – бросил Влас и пошёл к двери. – За дровами я.

– Мне воды, Макс! – крикнула Лена. – Пару бутылей. Я не попрусь к реке сквозь бурьяны... Также косу бы: тут метров сто косьбы... Ох, простите! Что за косцы из вас? Разве Влас... но нельзя всё на Власа!

– Да, коса – дело, – брякнул Макс, глядя в воздух. И было ясно: он представляет, как будет выглядеть *косьящим*, – при всём том что не брал косу в руки. Он, коренной москвич, отдыхал в Крыму, в Сочи, в Греции, на Канарах-Мальдивах, в Лондоне и в Париже, но не в деревне. Он взбудоражен был оттого, что он, может быть, здесь в российской глуши в распоследний (впрочем, и в первый) раз перед долгой карьерой в лучших топ-клубах.

– Едем, – бросил он Диме, кто хотел к Лене, но, городской насквозь, согласился, чтоб не позориться, если скажут дрова колоть либо печь топить... плюс давя ощущение, что чем меньше здесь находиться – тем оно лучше.

Ощущение всё же было, и он воскликнул:

– Может, в Москву? Вернёмся? Что-то здесь... ну, не так. Хо выставил линзы чёрных очков. – Сманил, а сам в сторону? Провокатор.

Дима был младший; все с ним насмешничали, стебались. Он хотел огрызнуться, но промолчал, решив, что на этот раз в зубоскальстве Хо ложь. Это Хо сказал первый: «Что, завернём в дыру? В самую из кондовых, самую русскую?» Он в ответ, типа: любите русское? докажите: съедем в Россию... – не призывая съезжать с шоссе. Он внушал любовь в сердце. Ездить в яп. джипах, жить в Англии, носить шведское, ценить Майкрософт, но при том зваться русским? Это всё странно. В частности, в Максе русскости нет; и его, и отца его здесь держал только бизнес. Где б взяли деньги, коль не в России в «прихватизацию»?.. Нет, не он инспирировал съезд сюда, чтоб от Хо словить «провокатора». Первым съезд предложил как раз... Но додумывать некогда: Макс по прозвищу «Аполлон» шагнул во двор, чтобы ехать.

Пятились задом. Путь (коим ездили при колхозах к пахоте или в Ведьмин Кут, где, возможно, был выпас либо деревня, либо же полевой стан) резался транспортом, размылся, трактор разравнивал колеи – стал ров с сорняками. Может, у речки, есть разворот, как знать, но рельеф внизу неизвестен, джип может сесть на мост. Вот и пятились. Дима чувствовал успокоенность оттого, что проезд стал пошире. В третий раз подомнут бурьян – и получится тип просёлка,

что сопряжёт, плюс к сотовой связи, Ведьмин Кут с миром.

Вдоль бывших пашен, нынче заброшенных, джип помчал, через русла от водомоин и снеготаяний, колеями, коими прикатали в Кут. Здесь трава не громоздкая, как внизу во рву. Вот бы здесь избу! Воздух здесь не стоял, как в яме, виделись дали и было вольно, солнце сияло, ток в окно остужал.

Вниз влево были участки в виде квадратов, все под бурьяном, ниже – руины... Вот встали избы между развалин. Жизнь начиналась.

Лет двадцать пять назад здесь всё жило; ехали бы вдоль гречневых да ржаных полей справа и огородных картофельных да свекольных нив по-над избами слева, с той стороны, что к пойме...

Встал вдали центр Ивиц: там асфальт стремил к трассе... Дима хотел к ней – избавиться от чего-то. Но он не знал, *чего*. Знал лишь: то *чего* – в Куте.

А вот и жилистый, что привёл их в Кут. Мимо, мимо, Дима взмолился... Макс тормознул, дурак! Благоглупое, с выражением нарциссизма лицо являло, как льстит ему лишний раз показать деревенскому брендовый джип с ним, Максом, *суперским футболистом* и *свойским парнем*, что запросто погонял мяч с быдлом, хоть поиграть с ним рад и столичный клуб. *Бог*, сыграв с дилетантами в нищих Ивицах, одного вдруг *подвозит*. Будет час, местный вспомнит: ехал с *великим Максом Бобковым, форвардом «Челси»*. Вот что Макс думал. Дима же чуял, что с приклатнённым пакостной, недо-

развитой, хорьковатой субстанции лучше дел не иметь. Никак не иметь. Тип гнусный, грубый и наглый, крайне опасный.

– К нам садись не бойсь, – звал Макс пафосно. И, когда тот уселся (в месте сакральном: там, где сидела час назад Лена), Макс включил магнитолу и продолжал затем с дружелюбной ленцой: – За пивом мы... Звать тебя как?

– Как хочешь... – Тип дымил сигаретой. – В зоне был Кнут, слышь... Ваш тот бугай-то, в берцах солдатских...

– Влас? – вставил Дима. – В бриджах?

– Влас-выюбас... Он чё, а? всех круче? Мне – не кури, то, это... Он вас и счать водит строем? вместе с чувой вашей? Он её порет, мля, зуб дам! Вы, мля, вернётесь – он её... – Паренёк подмигнул им.

Пачкает место Лены и своим хамством пачкает вообще салон, вник Дим! Гад ищет ссоры и задирает их.

– Это... дай-ка мне сотовый, – наклонился вдруг паренёк к нему. – Корифану, слышь, в Тулу. В зоне с ним были... Песня есть, *сердце плачит, грустит! В переулки, где урки, Мурка в кровях лежит...* – спел он. От паренька пахло куревом, потом. Но Дима дал ему свою трубку.

– Хрен просцышь эти ваши приборчики... Шёффер, слышь ты? музло глуши.

Паренёк минут пять болтал с «Михой», брякнув: он с «фраерами» –де в «джипаре крутом». – Миха, *сам...* Тут такое... – вёл он. – Ведьмин Кут сделает... Ну, до стрелки,

брат... Звякну, как... Чё забыл сказать...

Он болтал. Джип стоял на футбольном, том самом поле. Бегали парни; девы курили подле скамейки, томно и грустно. Зной изводил всех.

Гид отдал трубку.

– Чё косоротишься? Не щемись!

– Я... нет! – Дима сбился, зная, что антипатия к пареньку открылась. – Не косоротюсь.

– Нишкни, мля, – выдал тот, между тем как довольный Макс спрашивал:

– А магаз где?

– Где? А в м@нде за мостом ларёк.

– Фотаем? – И, достав полароид, Макс, велев Диме «фотать», вылез в зной в майке, не прикрывавшей мощь бицепсов, шарокатность грудных мышц и икр. – Эй, вы, фотик есть! – звал он.

Хмыкая (девы с радостью), собрались к нему, вставшему в центре, и Дима щёлкал всех, щурясь в солнце. Главным на снимках был – красавец меж уродцев – Макс. Даже стриженный здоровяк, хоть вровень с ним, представал чело-веко-бревном.

– Муйня! – Паренёк с хорьковидным лицом смял снимок. – Хрень, не умеешь.

– Ладно... Скосить бы! – вёл Макс. Не поняли. Он, купаясь в симпатиях одуревших от зноя пьяненьких дев, добавил: – Нам бы косца ещё. Есть, кто выкосит к речке в Ведь-

мином Куте?

– Кто-кто... Пихту дед... – вставила дева в джинсах, коя и в первый раз, Дима помнил, не соглашалась, чтоб их в послали в Кут.

– Как так?

Взор её дрогнул. – Ну, не пойдёт никто, – повторила. – Я ведь сказала.

Видно, что добрая, хоть с печатью положенных здесь веселий: пьянством да сексом и пошлой музыкой. Изю всех, Дима чувствовал, лишь она, дева в джинсах с неприбранной на лбу прядью, к ним расположена. Из-за Макса. Он ей понравился.

– Место тёмное... – дева молвила, опустив глаза и беря сигарету. – Зря вы там...

– Косу даст кто? Сам скошу. – Макс изрёк и представил, как звучит лихо: он, москвич, *косит*. – Даст кто? Не даст?

– Чёб косу порвать? – Паренёк хорьковатого вида сплюнул. – Разве за тыщу.

– Много! – скалился Макс-дурак. – Я в аренду беру ведь; в лизинг.

– Фря тебе лизинг. А косу – тыща.

Местные ржали.

Макс посмеялся – и согласился.

Мальчик помчал за обшарпанный клуб, к избе. Перебаливались в ожидании, так как тысяча – это водка. Даже пять водок и десять пива, то есть возможность продлить тусню.

Дима понял: Макс глупит страшно, ибо готовность за час косьбы выдать тысячу говорит: у них денег немерено. Это вызов. Сельские могут их грабануть (сами либо наводкой). Влезут к ним ночью, кончат всех да сбегут. Трупы будут лежать. Годами. В Ведьмин Кут ведь не ходят; дева сказала. место дурное... Макс разжёл зависть соло с мячом и джипом за два лимона; жар подогрела вылезшая – купаться-де – в стрингах Лена. Тысяча за наём косы понт венчает: типа, мажорчики из Москвы с проституткой, что заголяется при чужих; знать, *хочет*...

Макс балагурил, чтобы блеснуть, не видя, как парни хмыкают.

Мальчик прибыл с кривой, ржавой, порванной в пятке узкой косой на кривом, почернелом косье.

– Отточится. Клёво косит! – щерились местные. – Коса злая!

Макс расплатился, но хорьколищный деньги вернул. – Кент, ехай, и мне шесть водок, да ещё пива. Сдачу себе возьми.

Все заржали, – все, кроме Димы. Макс согласился, так и не вникнув, что уронил лицо.

Тронулись вниз к мосту, дальше – вверх к шлакоблокам. Зной достиг пика. Пыль вилась страшная, всё в пыли. Ни души. Куры – в ямках, клюв нараспашку, а крыло веером. Пахло битумом. Псы не лаяли, провожая джип. Воздух зыбился. В деревянном ларьке близ железной колонки, полки

за пыльным стеклом жёг луч. Выбрел в белом халате некто, возраст за семьдесят. Он их выслушал и пришёл вскоре с пивом и прочим в коробе на тележке. Всё было тёплое.

– Пиво, – скрёб он небритую скулу, – держим в тени всегда. В солнце химия не пивная. То есть в сениях стоит. Короб – ваш, взяли много... Чьи вы?

Дима не понял.

– Ну, вы к кому тут?

– Стылого нет? – встрял Макс. – Я о пиве.

– Был припас, разобрали. Бегают пиво пить, дефицит. Анамальность.

– Люди где? – вёл Макс. – Вымерли Ивицы. Лишь подростки.

– Люди где? – толковал старик, провожая их к джипу. – Кто молодые – все на работе. Ну, а кто старше или кто в отпуске – по домам сидят. Шантрапа футболистит... Вы в холодильнике... а лучше в речку. Речка-то где от вас? Вы к кому тут приехали?

– К ведьме в Кут, – Макс рывком поднял короб в багажник. – Слышал?

– Вы тогда пиво-то – в ведьмин погреб, разом остынет... – хекнул дед, сдав им сдачу. – Ваши пять пятьдесят... Порядок?

– Где ж её погреб? Мы не заметили.

Сдав им сдачу, дед быстро глянул из-под бровей. – Учёные? Экспедиция?

– Что? – бросил Дима, вытерев пот со лба. Беспокойства усилились.

– Странности в том Куту... – старый начал, но перебит был Максом:

– Мы не научная экспедиция. Отдохнуть сюда прибыли, футболисты совет дали, те, что у клуба.

– Галкин-то? Насоветует... – протянул старик. – Только б жульничать... А не слушали бы шпану.

– Что с погребом? Где он?

– Где?... Я про погреб зря, к слову... – Дед отмахнулся. – Погреб – внизу он. Рядом лощина. Там он, в конце как раз. Заросло, и не видно... Лучше вы в речку, пиво-то. Домов много. Взять, к вам в последнем есть такой Васин, вы бы к нему пошли. У него б нашлось место, там отдохнули бы. И от Кута далёко... В Кут вы зазря. Кут – Ведьмин.

Дима, закрыв дверь багажника, стал стирать пыль с мизинца. – В чём дело? Что там?

Дед скрёб щетину. – Что? А поверия.

– Раз, – прервал их Макс, – село длится, где этот Васин ваш на окраине, значит, есть и путь низом? Мы знаем верхний. Низом путь есть?

– Нет, – вёл старик. – Был я мал, помню, понизу шла дорога, в сороковые. До девяностых шла. От моста до конца села, как положено. Верхняя-то – для техники: тракторбв и комбайнов, чтобы поля пахать да хлеба косить. Нижняя-то – для жителей, и с булыжником в топком месте, где родники

текли... Захирело там после Ельцина, вместо нижней дороги – тропка... То ись, нельзя по ней. И была до Михеева, где был дом его... Разобрали дом. Сам он – в дом престарелых. Сложный он был, Михеев... Так вы по верхней? Правильно. В Кут по низу никак. Там горка, что отсекает Кут. Кут – за горкой, где та лощина. И у той горки склон не для джипа, танк не заедет. Только по верхней... – Дед зашагал прочь.

– Дилер! – Макс улыбнулся.

Меж шлакоблоков, мимо сморённого зноем пса, вновь выбрались на дорогу, тронули вниз, к мосту.

Дима глянул на шедшую к трассе сторону, – и сдержал себя, чтоб не выскочить и пешком не идти туда от беды, что, мнил, ждёт их, – ждёт несомненно. Он был невротик. Чувства в нём красились тьмой предчувствий, словно бы ясный день – мглистостью. И он стал смотреть в лобовое стекло под музыку, хотя та вела к Максy. Зная о сходстве с ударником знаменитой поп-группы, Макс слушал диски, чтоб пассажиры и сам он факт помнили.

На футбольном, у клуба, поле выдали водку местным, стали прощаться. Но хорьколицый их задержал, дав стриженному, обожжённому до краснот, здоровяку прут стали. Глядя на Макса, тот прут скрутил узлом.

– Слышь, так сможешь?

Макс уступил. – Нет.

– Ехай. Срыгни в туман! – он услышал.

Макс молча влез в джип.

Вдруг дева в джинсах, кинув неприбранную прядь за ухо, подошла. – Класс музыка! Кто? Англичане? Американцы?

– Это? А как же! – Макс включил двигатель.

– Ехайте с Кута, – дева шепнула.

Местные стали пьянствовать.

Вечер

В ров съехали в три приёма. Съехавши, Макс решил, выехав, съехать задом.

– Чтоб, – сказал (хоть на небе ни облачка и они собирались быть здесь два дня всего), – в дождик вылезти...

Дима видел: в грязь в самом деле выехать трудно, в ливень – вдвойне трудней, ибо ров станет водным. Правильней, чтобы джип стоял в направлении выезда, а такое одно. Из рва некуда ехать, кроме как к речке или же вверх. Вниз – страшно, там всё в бурьяне; может, вообще нет спуска до речки. Да и зачем вниз?.. Сразу по выезде Макс съехал задом. Но, передумав, выехал и спустился вновь передком, что здорово. Ведь хуже страшного, невозможного по прогнозам дождя была бы кража машины. Чёрт местных знает. Именно вот в такой глуши прячут транспорт после угона. Не паренёк хорьковатого вида – так из райцентра будут угонщики по наводке того ж паренька с качком, что скрутил прут, будто пластмассу...

Стало быть, Макс порою смышлён, как в деле, где он не стал форсить перед местными. Одолей он прут – те решились б в ином взять верх. Проиграй – возомнили бы. Есть закон, что во всём, где слаб ты, лучше выбрать дистанцию меж тобой и врагом, чтоб спрятать, в чём ты горазд, в чём плох. Макс сдался, прут он не стал гнуть. Что понял враг? – а мало что. Разве то, что один из них футболист, также, может,

боксёр, как знать. Это сдержит их...

Хватит. Баста... Двигаясь сквозь бурьян к избе под пылающим солнцем, Дима постигнул, что рост тревоги в нём генерируют беды, дескать, от местных. Зло от людей, вот истина. Но не всякий хам – уголовник. Может быть, что беда придёт не от местных. Мало ли урок? Либо вообще беда не придёт...

Стоп. К чёрту! Хватит накручивать! Это нервы в нём. От жары. Через два дня уедут, натусовавшись, и называть будут Ведьмин Кут «чудом». Здесь, как знать, он прожжёт лёд Лены – и *что-то* будет. Будет любовь... Страсть вспыхнула; он пошёл, забыв страхи.

Возле калитки Хо валил травы: в куртке и в шортах, пёрк плетню грабли, всё кладя плоскостью; уминал двор. Делалось радостней и просторней. Местность утратила вид запущенной; опасения отошли за плетень в бурьян... Вряд ли Дима и Макс с Власом травы умяли б. Здесь дай восточное трудолюбие... Хо упорен, целен, настойчив; свёл дружбу с Максом, папа которого совладелец судов в порту, где Хо жил. Кроме этого, Хо прибил к их группе, пусть в роли свиты. Хо может быстро, споро, без лишних фраз, то, что трудно иным. Нашёл себе нишу нужного спутника. Хо рукаст, терпелив и смыслён в той степени, что, оставь его в дикости, – через месяц там будет скошено и отлажено, взойдут пальмы, киви и дыни.

– Здорово, – оценил Макс, вздёрнувши короб с купленным, чтоб не выронить. – Хорошо умял.

– Участь бедных! – прохохотал Хо в блёстках от пота, выставив солнцу тёмные линзы. – Доблый насыльника, ты камандуй нам!

– Лена где?

– Ищет топливо с Власом, больше не знаю.

Шмякнувши короб, подле какого Дима приткнул косу, у крыльца, Макс зевнул нарочито. – Место хорошее... Оторвёмся от сердца, Хо, буханём... Ищут топливо, говоришь?

– Ты в дом зайди, там ход в хлев, а из хлева дверь в сад... Тащи дрова, скоро кончу, буду костёр палить. Буханём мы, насыльника! – и Хо граблями стал толкать к плетню лопухи и всю прочую рудеральщину.

Дима с Максом прошли избу, после яркого света мало что видя, и, через хлев, во вторую дверь, вышли в задники, к груде хвороста, от которого вилась тропка. Сад был торчащие в травах остовы яблонь с редкою порослью слив да вишен. Стоя на ветке в ситцевых шортах, в красной футболке и против солнца, Лена рвала вишни в чашку. Рядом был Влас в траве. Она спрыгнула. Он поймал её. Сразу вырвавшись, она крикнула подходившему Максусу:

– Вишни, глянь!

И пошла к ним по тропке... Грудь колыхалась, губы испачканы были вишней, взоры светились, кожа сверкала.

Дима сглотнул.

– Как, съездили?

Макс смолчал. Он спросил подымавшего хвост Власа: – Нравилось мять её?

– В целом, нравилось... – И, вдруг выпрямясь, Влас пронёс мимо челюсть в тёмной щетине. Веяло потом, острым, звериным. Вскоре Влас, как горилла, скрылся под притолкой.

Дима чувствовал, что он лишний. В мыслях была грудь Лены. Можно понять, что с Максом: Макс её хочет... Дима оставил их и ушёл к крыльцу, на ступенях какого Влас курил «Беломор». Папиросы Союза всё ещё делали где-то в Сибири.

Что это курево означало для Власа, кроме причастности к славе прошлого? Но, когда Влас курил, Диме мнилось, что его ноги, видные из-под бриджей (в общем-то, не военных, а молодёжных, чуть подлиннее шорт), требовали сапог из кирзы. Дима представил Власа чекистом, что стоит курит перед «врагами». Также представил, как в его тело Влас бьёт кирзухами...

В зное Хо гнул бодяк – бил в страшные, в крючьях листья. Сев на крыльцо в тень крыши, Дима, подняв косу, начал щёлкать по лезвию, неотбитому, ржавому, кривоватому.

– Скосишь? – Влас пустил дым из носа. – Это не просто. Это не тостер.

– Я не умею.

– Кто тогда, Дэвид Бекхэм¹? – хмыкнул Влас.

Хо, хихикнув: – Наш голубок скосит! Где он? – бросил вдруг грабли и к ним приблизился.

– Где? Воркуют... – Дима махнул от ревности.

Двери хлопнули за спиной.

Он понял: Лена в избе... возьмёт сейчас през и – сделает, что невмочь терпеть... Проститутка!!.. Макс придёт гордый, с пошлыми анекдотами и желаньем развлечься: выпить, блин, в мяч сыграть, покосить, побазарить... Макс живёт полной, так сказать, жизнью: спорт, водка, тёлки. А они – в ж@пе. Влас вот прикинулся, что ничто, кроме как покурить, не хочет, пусть и держал Лену в этом саду и, как знать, изнасиловал б её на фиг, дай ему волю. Хо притворяется, что доволен укладкой трав, что «бухнуть» – это главное. Но в мозгах у них Лена, что их *вдруг* любит и они в чпоке с ней.

В Диме тоже лишь Лена...

...а она с Максом.

Он завопил ей, но только в мыслях: «Эй! Что ты делаешь?! Я люблю тебя!!!»

Шмыгнул носом, слёзы заткали мир.

– Аллергия, – сник он.

– Love штука жуткая... По себе это знаю. – Хо снял очки на миг. Стало видно щекастую, нос крючком, плоскость с щёлками, что вновь скрылись под линзами. И Хо сел

¹ Известный футболист начала XXI века.

на крыльцо – из камня – с пошлыми шутками:

– Нам на камень нельзя. Простата. Рак. Смерть в конвульсиях.

– Камень, – Влас дымил куревом, – тридцать градусов. Мы в тени. А ещё час назад этот камень наш ловил солнце.

– Кто что словил – по фигу. Хрен с ним... Но! Выпить хочется, – похихикал Хо, сняв сандалию, чтоб мизинцем копнуть меж пальцев.

Дима скривился. Не потому что Хо сделал так, а затем, что за всю их поездку Хо зубоскалил, будто общение значит глум... Фиг! Шуточки значат, что мир не сто́ит. Этот не так, мнил Дима, ведь зубоскалы, тронь их, вмиг сердятся, подтверждая: есть в мире ценное, что за гранью глумлений. И это ценное есть их «ячество». Зубоскалы внушают: *всё* дерьмо. Тем, кто слушает, вникнуть бы, что насмешнику и они дерьмо – все, кто слушает. Вот и Хо намекнул сейчас, что, мол, Дима «словил» ныть в ревности, Влас «словил» «Беломор» свой. Хо ж «словил» гнуть бурьян двора граблями. И лишь Макс «словил» – в этом фишка – важное, что желали бы все: Хо, Влас, Дима и остальные.

Влас в коробе выбрал пиво. – Тёплое...

– Пиво, – Хо открыл банку тёмного «Клинского», – быть должно восемь Цельсия для питья, пишут. Здесь же все тридцать.

– Брось в речку, и охладится... – Влас, взяв «Очаково», пил взахлёб; кадык дёргался под щетинистой челюстью.

– Мне, – вёл Хо, – к речке?! Чтобы продраться, надо с собой сто пива, чтобы не сдохнуть. Зной ведь! После вы охладжай пивцо – а Хо спать пошёл? Вот что думаю: Максик скосит. Тренинг здесь классный, а ему в «Челси»... Мы, блин, потерпим. Стылое круче, нет проблем. Но, однако, в конце концов, градус тот же.

– Да, – согласился Влас. – Пусть Макс скосит. А мы и тёплого...

Дима понял: коль скосить к речке, выйдет действительно, что они слуги Макса, кто, трахнувшись, двинет барином *принять ванны*, мол. Максу весело... «Чересчур!» – вник Дима, взял тоже пиво, вскрыл его и пил залпом, хоть без желания. «С ней не я...» – изводился он. Почему? Отчего с ней – Макс? Смазливость в лад с глупостью и сноровкой бить мяч – важнее? Да ещё деньги... Так всё и есть, блин! Макса все «хочут». Сельская дева тоже не прочь с ним. Дима же, Влас, Хо, дряхлое старичье, – пьют пиво... Им ведь не хочется, кроме хренова пива, секса и радостей. Они *старые*.

– Что, растопим печь? – он вскричал, выпив банку и её кинув.

– Ты приостынь, – Влас буркнул. – Тяги не будет. А топить надо. Стены из камня, сырость. Будет не в масть спать.

– Чёрт с этой тягой! – Дима поднялся и убежал в избу, где у печки дрова. Он впихивал ветки в топку, жёг их свирепо.
Тяга, блин?!

Нет её.

Вообще!

То, что Лена с другим, доказывало: тяги нет точно так же, как нет физических и иных законов, в лад коим Лене нужно быть с *ним*, не с Максом. А это значит, тягу ту – на фиг! Он Лену любит, но, коль законы не оправдались в высшем, то есть в любовном, то – нет законов.

– Тягу им?! – злился он. – Фиг им, тягу-то!

Дым не шёл в проход. Он, спеша, ломал хворост, втапливал в печь бумагу и раздувал ртом пламя. Дым стлался вспять в избу. Окна – мёртвые и без форточек, он единственно мог открыть дверь в сени. Взялся ток воздуха по-над полом, в коем он ник, согнувшись, и продолжал труд, глупый и тщетный. Слезы текли – от дыма и от отчаянья... Лена там *наслаждается*, изводила мысль. Но была мысль и стыдная. Влас сказал, что нет тяги. Вышло: Влас прав, а он вновь неправ?! С давних пор, как он втюрился в Лену, – пятнадцатилетнюю, за которой ходил Влас, – тот, получается, был умней его и правей. Он слабак даже печь топить, а любить слаб тем паче. Love сложнее топки. Чтó он для Лены? Он – неумеха, нытик и бездарь.

Выскочив и взяв пиво, он сел на крыльцо, близ Власа... Что он экстерном школу закончил – мелочь. Алгебру знавший, в русском смышлёный, в жизни он нуль, считай. Влас вот вида не подал, что хочет Лену, – он же слезу пустил, истерит почти, мается...

– Ты, Влас, прав. Тяги нетути. – Он пил пиво.

– Типа, избу, – шутил Хо, – ты задымил, да? Спим мы в хлеву?

– Всё выветрит... – буркнул Влас. – Съерундил, Димон, но два градуса дым твой даст; раньше станем топить. Вместо полночи – в десять.

Воспламенённый, Дима вскочил. – Скошу пойду! Но для нас. *Те* пусть порются!

Он шагнул. Его двинуло. Он едва не упал и понял, что жутко пьяный, да и отравлен чёртовым дымом. Но было весело. Выпив снова, он засмеялся, вышел к сирени, что окаймляла двор. Там, за нею, – бурьян, уходивший вниз. Там была также пойма, новый склон. А там – яркое солнце!

Жуть стало весело! Он вскричал, демонстрируя, что им весело – веселей, чем *тем двум* в саду.

– Влас, шашлык! Разведём огонь? Будет классно.

– Правильно! – гаркнул взявшийся сытый Макс, кобенясь, чтоб показать им: вот я! только что с тёлки! что вы здесь скисли?

Но все молчали, даже когда, придя, Лена бросила: – Тропку б, кстати, на речку. Хочется влаги!

Но все молчали.

Дима подумал: блеск молчат. Супер круто... Так ей! Раз их забыла, чтобы спать с Максом, – сходно и им плевать. Адекватная сделала б прежде стол для всех, посидели бы...

А потом, что ж, сексуй... Но не так, чтобы, кинув их, трахаться, а теперь вот купаться... Фиг ей!

– Ты, блин, сама коси, – ляпнул Дима. – Фифа-царица.

Лена окрысилась. – Свянь, щен!

– Ты, Лен, сама кто?

– Кто?

– Ты не знаешь? – Дима язвил.

– Конец грызне! – Макс прервал, уперев руки в бёдра и на всех глядя, – но, одновременно, и являя: вот я, любуйтесь! Видите бицепсы? шары икр? плашки мышц живота? – Прикольно так побывать в глуши! – вёл он. – Выпить есть, хавать есть... Прокошу – шашлычок скоптим, искупаемся... В общем, жить, это круто. Я жить люблю.

– Ты бог! – хохотал Хо дико.

Макс оглядел косу. – Сделаем! – объявил вдруг, взяв косу на плечо, как в фильмах.

– Нёс косу на плечи! Лису засечи! – выл Дима пьяный.

– Стой! – начал Влас. – Не Димон стой – Апól стой. Как ты *прокосишь*? Надо отбить, отточить косу... Молоток с бруском есть?

– В машине, – и Макс ушёл.

Вернувшись, он, выпив пива, сел точить лезвие, бросив Хо: – Сфотай.

Тот стал снимать его с Леной, севшей с ним на крыльце в обнимку.

Дима ярился: если не любит – чёрт с ней.

– Чёрт с ней!! – он крикнул.

Пойма ответила: «Чёрт с ней!!»

Дима впал в раж. – Чёрт! Чёрт!! – вопил. – Эхо!

– Беды накличешь, – хекал Хо.

Лена крикнула вслед за Димой. Пойма ответила. Макс открыл банку пива.

– Тёплое... Не как в баре. Как бы не вырвало.

– В дом внеси, – надоумила Лена. – Там попрохладней. Дом ведь из камня. Надо бы печь топить.

– В дом?! В погреб!! – Дима склонился, чтоб взять бутылку.

Выпив, разделся, выставив впалую, худосочную грудь. Стесняться? Лена не любит, жизнь потеряла смысл. Нету разницы, умный он или глупый, крут или слабый... Пусть, то есть, смотрит; пусть убедится, что, мол, не зря не любила длинного и тщедушного сопляка. Пусть смотрит.

– Хватит пить, облюёшься... Погреб, да? – продолжал Влас, выпив из банки и меж двух пальцев взяв папиросу.

– Мы, – Макс рыгнул, как гром, – брали пойло в тех Ивицах; продавец сказал: погреб. Типа, в лощине.

– А я гадаю, – ожил Хо, – где он, погреб-то. Час ходил-искал.

– На фиг, – Лена взяла курить супер-тонкие сигареты. – Погреб? Фиг с ним... Проблема!

– Лена, проблема, – вставил Хо, – Дом без погреба, он не дом. Фикция! Коль нет погреба, дома нет. Возвели не чтоб

жить. Чтоб... сманить сюда, полагаю, – мыслил Хо. – Так-то.

– Чушь! – Лена хмыкнула и прошла к крыльцу. – Это фикция? Стены в метр толщиной, из камня, крыша соломенная, с гнилью; древние двери... и старый сад... Здесь жили. Здесь явно жили! Жили до нас, века до нас! Дом не макет!

– Пусть жили. Это не важно. – Хо, сев близ Власа, глянул на Лену, – тёмные линзы глянули, если точно; ну, а глаза устремились Лене на груди? Это почуяв, та отошла сказав:

– Блин, очки б снимал! Сам в тени, а очки – будто он в Антарктиде. Ты в них на море был, здесь в очках... Цэрэушник!

– Лен, я не против, – хохотом отозвался Хо.

Дима, как ни был пьяным, понял: хохот – знак Хо, примета. Как, скажем, ленин знак – груди, максов знак – культуристский типаж, а у Власа – облик громилы с запахом пота.

– Лен, дело в погребе, – Хо настаивал.

Диме вспомнилась страсть японцев, пусть Хо кореец: создали бизнес кукол в вид настоящих. И составляли гарем из них. В этом всё – отношение к женщине как к объекту лишь удовольствия. Хо кореец. Нрав Хо – восточный. Вдруг Хо в очках всегда, чтоб смотреть на низ Лены? Хо иссмотрел её всю, гад! всю исслонявил!! Дима озлился. Сам вот он любит ленину душу, мнил он... Но, вдруг подумав, что любит яро круглости Лены, стал молча слушать.

– В нём держат овощи и другой продукт, – вёл Хо. – Погреб – склад важного. Есть погреб – и дом в порядке.

– Всё? – скисла Лена. – Что ж он в лощине, а не у дома,

если он важен?

– Для экономии при строительстве. Что в ложине? А там есть склоны, что позволяют использовать и рельефность. – Хо снял очки и протёр их.

Солнце склонялось. Тень от соломенной кровли ширилась. Было душно. Воздух пах травами, камнем, химией джила.

– Пиво остудим, – начал Макс. – Пиво тёплое, просто дрянь. Хорошо б, – повернулся он, улыбаясь, – в погреб попутно... Я от ложины косить начну, где тот погреб, как продавец сказал. Докошу и проверим... – Он посмотрел на всех, сделав паузу. – Соглашусь-ка на «Челси»...

Лена запрыгала к нему с визгом.

– Да, Ленóк, – Макс твердил, отведя косу и прижав к себе девушку. – Серость, глушь, запустение... А на кой мне? Фиг! Меня мир зовёт. Шварценеггер плевал жить в Австрии, смылся в США, стал великим. Раша не Австрия. Но тем более. Правда, я не актёр...

– Актёр! – встрял Хо. – Пробуй!

– Я не актёр, – Макс хмыкнул. – Я еду в «Челси»... А если сняться, ну, типа, в клипе... Что я сказать хотел? Этот день мой, может, последний в нашенской Раше, – так сказать, в коренной, да? Надо зажечь, да? Чтоб до упаду! Хо, ты снимай, как... Вот, блин, сценарий. Будущий стар жил сельскою жизнью, в старой избе под крышей... Ну, и косил притом... Накосив, сложу стог... Романтика!.. Лен, уедем. Запад, он

любит, если звезда создаёт себя... – Макс рыгнул опять. – Сложим рульный миф, стопудово.

Он оглядел косу, отстраняясь от Лены. После он, отойдя к плетню, посмотрел на лошину – «поле работы» – и покрутил косу, будто палку, чтоб явить игры мускулов. После – вышел через калитку, смял близ репейник, чтобы «плацдарм» был, взял косу, как в кино берут, сделал взмах, неуклюжий, куцый. Вдруг, громко крикнув, щёлкнув по лезвию, стал точить его, неумело и дёрганно. Наконец, сделал новый взмах – краткий, слабый, негодный.

Хо снимал камерой. Влас сидел на крыльце. Пивший Дима смекнул: Макс косить не умеет. Лена же таяла от восторга, – веря, естественно, что иначе не косят.

– Жуть, – сказал Дима.

– В целом, дерьмово, – Влас согласился.

Это была не косьба, а смех. Макс не шёл с каждым взмахом, как косцы-профи. Взмахов и не было – лишь тычки, что трясли бурьян. Он лишь рвал траву, оставляя неровную травяную щетину. Часто носок косы взрывал землю либо взвивался. Макс прошёл метра три вниз... лезвие звякнуло; на косье вис обрывок.

Хо прохехекал: – Кончен труд? Типа, взъелась коса на камень?

Дима ржал – но не что коса порвалась, а что Лена с мажорчиком, кто не может, кроме как мяч гонять, ничегошеньки.

– Ехай в Англию!! – выл он.

Макс поднял камень, чтоб показать им: вот, мол, виновник, — и зашвырнул камень вниз в лощину.

— Хрень... — засмутился он. — Съездим, Влас, я ещё куплю косу... и возьмём, кстати, выпить. Выкосим ход к воде. Да и зной спадёт... Сколько? Восемь? Мы за час... мухами!

И Влас встал, хотя выпил, вроде бы, много. Он уступил вдруг. Даже казалось, что он лакействует перед Максом. Впрочем, Макс прав был: пиво закончилось. А Влас пил не пьянея. Много пил также Хо. Круг травы у крыльца в бутылках и в мятых банках из алюминия.

Сходно пьян был и Дима, но, тем не менее, он решил пить вусмерть. Было, что вдохновляло в Ведьмином Куте. Здесь — точно первый час человечества из пяти человек, и один из них женщина. И здесь нет ни традиций, ни вер, ни правил: всё-всё возможно. В это вник не единственно Дима, в это вник также стойкий, самодостаточный цельный Влас, что явственно мнит напиться. А это значит: что-то случилось. Невероятное. Может, максовы планы взять Лену в Лондон? В школе Влас за ней бегал... то есть не бегал, а поджидал её, провожал хмуро, яростно, и его так боялись, что не осмеливались встречать. Влас дюж был, и он пах зверем. Лишь Аполлону он уступил её, чтя спортивность и атлетичность, хоть был сильнее и без круглых мышц... Либо ленина нутряная страсть к Максу Власа смирила... В Ведьмином Куте, Дима вник, Влас, в тоске из-за скорой разлуки, взду-

мал напиться.

Как джип уехал, Лена пошла курить на кривой «Максов выкос» перед ложиной. Дима побрёл за ней и стоял, свесив длинные лохмы с пасмурных, в стельку пьяных высот своих, ей на плечи. Страсть накатила, стоило Лене вынуть вдруг розовый и гламурный смартфон (клон пухленькой, с налитыми грудями Лены). Плюс ещё зной был, что мозг туманил. Как Лена кончила телефонный трёп: «Мама, норма... Мы в Тульской области...» – Дима, рухнувши, стал хватать её ноги, снизу вверх, норовя вознестись до шеи.

– Жесть... – она злилась, ткнув в него, к ней прилипшего, пальцами. Сигарета из губ её выпала. Отключив смартфон, Лена стала пихать его и второй рукой. – Спятил... Ты, крезанутый... Я скажу Максусу... – Лена твердила, но, впрочем, тихо, чтобы не слышал близ избы Хо.

Он сжал её. – Я люблю тебя! – Он шалел от такой к ней близости.

– Всё, Дим, хватит... Ты, блин, как мальчик... Ну, отвали, прошу...

– Я люблю тебя!!

– А я – Макса. Тему закрыли.

– Нет, не закрыли! – он повторял. – Что Макс? Что за Макс?! Он не любит!

– Любит не любит – а Макс мужчина, – фыркала Лена. – Ты не мужчина. Женщина говорит тебе, что не любит... Ты,

как репей, пристал... Отвали... – Она пятилась.

– У меня всё горит внутри! – Он трусил за ней на коленях. – Я так люблю тебя!

– Мне плевать. То он шлюхою обзывает, то, дескать, любит...

– Нет, я клянусь!!

– Дим, стухни. Мы с Максом счастливы... Хочешь правду? Я вас не вижу: ни Хо, ни Власа. И ни тебя. Вник? Я вас не вижу. Просто нули... Макс... Макс... Он... Умри – я верна ему буду. Макс – он мужчина. Макс мой кумир навек...

– В школе ты была с Власом... – плакал он. – Ты всё врешь!

– Отвали. Была маленькой... Школа, школа... Я была девочкой... А вот ты был!! – взвилась она, сверху вниз злобно глядя и не толкаясь; он, прекратив хватать, лишь стоял застыв и держа её талию. – Ты никто был, козявка! – крикнула сипло Лена. – Ты на себя глянь. Кто ты, Дим? Истеричный сопляк, ничтожество... Ничего ты не можешь.

– Я сдал экстерном!

– О! Это стоит лишь аттестата, Дим! Аттестаты в метро купи, сотня баксов... Что с тобой делать? Мне, Дим, семья нужна. Макс талантлив, в «Челси» поедет. Скажешь, второй состав? Будет первый... Это ведь миллионы в год... сотни, блин, миллионов! Но и, глянь, папа – кто? Олигарх... К тому ж есть посмотреть на что. Он красив нереально – Макс. Крышу сносит. Сельские одурели, сам видел. Макс...

– Он не любит тебя! – ныл Дима. – Я за тебя отдам жизнь!

– Кончай, Дим. Только без пафоса... – Лена вынула, пропустив свою руку рядом с его рукой, соскользнувшей к бедру её, из кармана шорт сигареты и закурила, выпрямясь, уперев в ладонь локоть. – Что значит *жизнь отдам*? Не отдашь. Ты не жизнь отдать хочешь, а меня трахнуть... Блин, не война, чтоб ты жизнь давал за меня или родину... – Лена стала язвить вовсю, осмелев в его хватке, плюс сыпля пепел на его голову. – Он мне жизнь отдаст... Сколько лет мне ждать случая? Ты ботан, Дим, маленький мальчик... Блин, я не верю. Влас бы не так сказал. Я б поверила, если б *он* сказал. Власу веришь. Влас это чёткий, крепкий мужчина, он слово держит. Скажет и сделает... Ты ж *отдашь*, что и сам помрёшь, и меня убьёшь... Дим, не надо!.. Всё, ты расти давай. Твои девочки в пятый класс, Дим, ходят. В них романтизм сейчас. Юнош бледный с взором горящим им как раз в тему. Всякое эмо... Только не мне. Я старая. Мне семью пора. Перезрела я.

– Я люблю тебя!! – он стонал, прижимаясь виском к её низу. – Сделаю! Всё, что хочешь!

Лена пустила ртом дым в прищур. – Я к реке хочу... Я принцесса. Нужен проход к воде, славный рыцарь. Сделаешь?

– Будет, Лен!

И он бросился в травы, чувствуя: жжёт крапива, колет татарник, прыгают блошки и пресекает дух от густой, забива-

ющей нос пылицы с цветов. Тело сделалось в волдырях, тле-
ло... Он двинул локтем – и расчихался, полуслепой почти
по причине болезненных аллергических слёз... Шагнув на-
зад, он увидел: Лена уходит и у избы уже.

Заслужил, щен... Он обернулся. В травах от битвы вмя-
тина – точно кто, с лёту сунувшись, отскочил испугавшись...
И стало стыдно. Клялся ведь «жизнь отдать», а не смог сде-
лать той, кому клялся, маленькой тропки... Он, от калит-
ки пройдя к крыльцу, выпил водку, что оставалась, тужась
не видеть гордую Лену.

– Как там с проходом? – хекал Хо.

Он молчал.

– Хо, а ты тогда? – встряла Лена, выпятив груди. – Хочется
в воду... А мужчин тью-тью. Ну ведь не Дима ж... Хо, прокоси
к воде! Я тогда тебе... Скажем так: тебе хочется...

– Оццэнь хоцецца! – перебил тот, дёргая носом меж тём-
ных линз. – Жуть хоцецца!

– Ну вас... – Лена ушла.

Хо мудрый. Мудрый как Будда. Может, хотел её, но он
знал, что, пробей путь к воде, ничего не получит, кроме:
«Блеск! Здорово!» – а ожогов, укусов пчёл либо змей будет
вдосталь.

– Тот, кто катается, – брякнул Хо, – тому санки.

– Да, – понял Дима и рассмеялся, чтобы скрыть стыд.

– Побегаю...

Так сказав, Хо по тропке спустился в ров с колеями

от джипа и час отсутствовал... Но вернулся он раньше джипа.

– Бегал в очках, да? – выдавил Дима.

Хо похихикал.

Стук I

Не было джипа и полдесятого.

Солнце падало за избой. Лена, взяв смартфон, разговаривать вышла в сад (звонить Максу?). Дима с Хо продолжали пить.

Тень, скрыв двор, приумятый Хо накануне, лезла к плетню, вниз. Пойма померкла; тени стеблей и листиков плюсовались к потёмкам. Но склон за речкой был ещё в солнце.

Всё как и надо, разве что зной пропал.

Дима взял из своих вещей свитер, чуя, что стынет. Лена сказала, что дозвонилась и что не едут, так как им «режут мясо». Чуть посидели, и она выдала:

– Что мы здесь как лентяи? Ну-ка, огонь давай! Чтоб приехали – и, блин, мясо на угли.

Хо сложил костерок.

Дима стал в избе топить печь. Тяга сделалась ярой. Пламя гудело. Он, склонясь к полу, чувствовал токи воздуха. А ещё там, у пола, пахло духами... то вдруг ванилью и пирогами... то скотобойней. Он решил: пуд полом есть флакон духов, крыса сдохла либо ещё что. Он проклинал свой нюх, восприимчивость и чувствительность. Набив топку, он вышел. Хо разводил костёр; Лена нежилась с сигаретой.

Пойма с лощиной наполнились тенью. И было стыло, точно июль стал август. Дым от костра сгибался и утекал вниз

к речке... Шум всех привлёк.

– Макс, Макс!! – Лена бросилась за плетень в калитку.

Двигатель смолкнул. Слышался голос, но незнакомый. Дима побрёл туда. Возле джипа Влас с коробом на груди ждал шедшего с мужичком в старой мятой бейсболке Макса.

– Не... – твердил мужичок с огромной косой. – Не буду.

– Как? Уговор был!

– Я думал, шутят. Часто тут шутят про Ведьмин Кут. Думал: к Васину вы, окраинный на селе тут. Ну, думал, шутят. Тут так в обычае. А вы – в Куте... Вам тут не скосят.

– Я умоляю! – Лена вихлялась перед застенчивым сельским гостем. – Выручьте! Искупаться бы... А пройти не могу никак. А у вас ведь *коса*.

– Специальная. – Мужичок мягко сдвинул бейсболку. – Есть косы всякие. Луговая – травы в лугах косить, где взмах шире. Есть и садовые косы, малые... Тут не буду. Рядом под Васиным бы скосил вам. Хотите? – он махнул рукой.

– Что не скусите? – начал Дима, выбредший с пивом, мыслящий верх свой над глупостью мужичка, над тупостью сельской жизни. Он покорить хотел (сходно Лена кокетством) глупого гостя собственной лихостью (заодно оправдать провал по прокладке тропинки). – Что пугать? Про ведьм слышали! Мы здесь день почти, нечисть выгнали. Смылись, только вслед пыль вилась! Ну, за дело, друг!

Мужичок вновь поправил бейсболку, хмыкнув. – Завтре посмотрим, как запоёшь.

– Вас как звать? – Лена спросила, тронувши мужичка. – Я – Лена.

– А Николаем звать. Палычем.

– Николай, значит, Павлович! – завела, став вперёд грудью, Лена. – Мы уезжаем. В Англию. Нам хотелось побыть в России, и мы нашли её... Место чудное! Только гляньте, прелесть какая! Что за закаты! Золото! Травы прям колдовские! Запахи! Место райское. Здесь не может быть зла, поверьте. Я вам клянусь... Я знаю! Зла нет вообще. Вы верите бакалавру? Я бакалавр, учёная. Мы огонь зажгли, и мы печь сейчас топим. Дым над трубой вон! Мы всё обжили. Страшного нету. Вы явно умный и вы бывалый, Николай Павлович... Вы давно здесь живёте?

– Я? Я родился тут.

– Были раньше здесь в Куте?

– Как же! Бывал, да.

– Что здесь случилось? Кто здесь погиб?

– Не слышал.

Лена смеялась. – Я так и знала! Лишь суеверия... Лично я жила б здесь, а не в вашем селе, где тесно. Здесь, блин, приволье. Фёдор Михайлович, был такой вот писатель, что писал? Красота – это сила. Здесь так потрясно, что никакого зла нет, реально! На спор хотите? Скóсите?

Но гость некал.

Влас, держа короб с купленным, вставил: – Что здесь бо-
ются?

– Погреб.

– Где он? В ложине?

– В ней, ну да.

– Значит, – встрял Макс, – здесь некий погреб; погреб боится. Но ничего не случилось ведь?

– Так не ночь... – И, с косой в руке, мужичок оглянулся, точно услышал что. – Жди, – добавил.

Макс достал поллитровку. – Сенкью за мясо. Мы благодарны. Не поминай злом.

– Не! – Мужичок взял водку и зашагал на склон по приямтой траве.

– Вот дурни... – брякнула Лена. – Сельские психи... Пафосно пишут, что, мол, в деревне чистая жизнь, традиции... А по мне как раз – дурь. В ней тёмные, кто решил, что он мудрый и во всём правый. Вздумали: Ведьмин Кут страшен, – точка... Завтра, Макс, отвези меня к психу, пусть, блин, посмотрит, что Кут не страшен, что Кут обычный... Водку-то взял, мудрец! Что косить, раз и так дали? Ты, Макс, зря щедрый... – Лена пошла к избе, бормоча: – Его б к чёрту гнать! В шею!.. Думаю, – она вдруг задержалась, – Ивицы так скучны, что они Кутом всех увлекают... Блин, а вы тоже! За день не сделали к речке тропку. Ляжем спать потные?

Макс за ней волок сак с провизией. – Завтра сделаем... Глянь, барашек... Ну, мэны, где шампур?

Настроение вмиг улучшилось. Хо сгрёб уголья; близ раз-

вёл световой костёр, освещающий и гревший... Вскоре шампúры были готовы; выпили пива (Влас пил лишь водку).

Было одиннадцать тёмной сени. Ночь наступала. Смолкли цикады, так что ничто, кроме тресков костра да голоса, если кто говорил, не слышалось. Звёзды бликали редко, точно истёрлись. Два теперь дыма – от светового костра дым яростный и прозрачный от углей – резво взмывали и гнули в пойму, в мрак её. Холодало; виделся пар из ртов в разговорах.

Но было весело.

Диме – весело оттого, что терял мечты о любви с сладким именем «Лена»; плюс он внушить хотел местным, что они дурни. Он истерил почти, чтоб они в своих норах слышали гогот в Куте, кой опасались. Макс болтал анекдоты, – как всегда скучно, – ибо пытался блистать собой. Но Хо с Димой смеялись... Вскоре крыльцо избы из шершавого камня сделалось стылым; Влас принёс доски, чтоб все уселись. Щёлкнули свет в избе; окна брызнули. Стало так, будто здесь они с детства и будут жить всегда.

Лена ляпнула: – Вау! Не верится, что мы чёрти где на куличках! Скоро ведь в Англию... Ты меня забираешь, Макс?

– Это правда как... что пойду полью пойму, – пьяно шутил Макс. Встав, он побрёл за калитку; пламя высвечивало его спину. – Ведьме попить дал... – прибыл он с шуткой.

Хо хохотал.

– Макс, – Лена спросила, – ты не звонил. Уехали – и с кон-

цами. Вас долго не было. Здесь отшиб, что угодно могло быть. Ты не звонил?

– Пытались, – Макс повернул шампур. – Связи не было.

– Глупости! – злилась Лена.

– Влас подтвердит.

– Да, не было, – буркнул Влас. Ответ выявил оспины на лице его, массу челюсти и щетину. Он был как сгорбленный и обдумывавший месть зверь. – За дружбу! – кончил он, выпив.

– Врёте вы... – Лена вынула свой гламурный смартфон. – Вправду... Блин, извините! Странно здесь: связь то есть, а то нет... Фигня! Час назад я общалась ведь с мамой?

– Хрень! – начал Дима с мутными взорами. – Ничего нет на свете! Нет вашей Англии! Мы останемся, чтоб коммуной жить. Власу землю пахать, а Апóлу косить всё к чёрту!

– Мне что? – Лена спросила.

Дима взвыл: – Что? Рожать!!

– Достал меня, – Лена мстила. – Вы, как уехали, он напил-ся и меня лапал. Жуть доставал!

Влас хмыкнул. – Все, Ленóк, тебя хотят, хочешь сказать? Будь счастлива, англичанка, что популярна... Хо, хочешь Лену?

Тот странно хекнул. – Выпьем за Лену да друга Макса, Влас! – И Хо выпил.

Дима, взяв сотовый, пискнул кнопками; связи не было.

– Опоздали мы по нелепой причине... – начал Макс и ве-

лел вдруг: – Ленчик, накрыться что-нибудь вынеси... – Он продолжил, скрыв себя пледом, так что виднелись только лишь икры: – Тёрка случилась, с местными. Встретились. Паренёк тот – помните, был здесь? ну, выпендрёжный – клянчить стал: развези по домам. Сам пьяный. Я: не так-сую, на водку; тёлка ждёт. Он в предьявы... Влас и толкнул его. Он – за нож, Влас – за биту... Действует усмиряющее, – улыбнулся Макс. – Я б пошёл в ним в разведку, с этим вот Власом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.